

Шопенгауэр как лекарство

Автор:

[Ирвин Ялом](#)

Шопенгауэр как лекарство

Ирвин Дэвид Ялом

Ирвин Ялом. Легендарные книги

Опытный психотерапевт Джулиус узнает, что смертельно болен.

Его дни сочтены, и в последний год жизни он решает исправить давнюю ошибку и вылечить пациента, с которым двадцать лет назад потерпел крах. Филип – философ по профессии и мизантроп по призванию – планирует заниматься «философским консультированием» и лечить людей философией Шопенгауэра – так, как вылечил когда-то себя. Эти двое сталкиваются в психотерапевтической группе и за год меняются до неузнаваемости. Один учится умирать. Другой учится жить. «Генеральная репетиция жизни», происходящая в группе, от жизни неотличима, столь же увлекательна и так же полна неожиданностей.

Ирвин Д. Ялом – американский психотерапевт, автор нескольких международных бестселлеров, теоретик и практик психотерапии и популярный писатель. Перед вами его последний роман. «Шопенгауэр как лекарство» – книга о том, как философия губит и спасает человеческую душу.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Ирвин Ялом

Шопенгауэр как лекарство. Психотерапевтические истории

Irvin D. Yalom

THE SCHOPENHAUER CURE

Copyright © by Irvin D. Yalom

Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

© Махалина Л.В., перевод, 2016

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2019

* * *

Моим старинным и добрым приятелям, которые были со мной рядом, делили со мной все беды и горести и поддерживали меня своей мудростью и бесконечной любовью к жизни разума:

Роберту Бергеру, Мюррею Байлмзу, Мартелу Брайанту, Дагфинну Фёллесдалю, Джозефу Фрэнку, Вэну Харви, Джулиусу Каплану, Херберту Котцу, Мортону Либерману, Уолтеру Сокелу, Солу Спайро и Ларри Зароффу.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Эта книга долго зрела в моей голове, и я благодарен всем, кто помог ее появлению на свет. Редакторам, помогавшим мне создать этот необычный сплав вымысла, психобиографии и педагогики психотерапии: моей безотказной советнице Марджори Брэман из издательства «Харпер Коллинз», Кенту Кэрроллу, а также моим добровольным домашним редакторам – сыну Бену и жене Мэрилин. Моим многочисленным друзьям и коллегам, прочитавшим рукопись и сделавшим свои ценные замечания: Вэну и Маргарет Харви, Уолтеру Сокелу, Рутеллен Йоссельсон, Каролин Зарофф, Мюррею Байлмзу, Джулиусу

Каплану, Скотту Вуду, Хербу Котцу, Роджеру Уолшу, Солу Спайро, Джин Роуз, Хелен Блау, Дэйвиду Спигелу. Моей группе поддержки – коллегам-терапевтам, которые на протяжении всей работы оказывали мне неоценимую помощь. Моему блестящему литературному агенту, обладательнице многих талантов Сэнди Дийкстра, которая, в числе прочего, предложила и название этой книги (как, впрочем, и моей предыдущей книги, «Дар психотерапии»). Моему научному сотруднику Джери Дорану.

Большая часть сохранившейся переписки Шопенгауэра либо до сих пор вообще не переведена на английский, либо переведена довольно нескладно. Я признателен моим немецким помощникам Маркусу Бергину и Феликсу Рейтеру за содействие в переводе и колоссальную библиотечную работу. Уолтер Сокел оказал мне важную научную поддержку и помог перевести на английский многие эпиграфы к главам так, чтобы с наибольшей точностью передать яркий и неповторимый стиль Шопенгауэра.

Я благодарен моей жене Мэрилин за ее неизменную любовь и поддержку.

Множество прекрасных книг вдохновили меня на эту работу. Прежде всего, я признателен изумительной биографии Рудигера Сафрански «Шопенгауэр и бурные годы философии» («Schopenhauer and the Wild Years of Philosophy», Harvard University Press, 1989) и самому автору за то, что великодушно согласился проконсультировать меня во время нашей продолжительной беседы в берлинском кафе. Идея библиотерапии – самоисцеления с помощью систематического чтения философии – принадлежит Брайану Маджи и его великолепной книге «Признания философа» («Confessions of a Philosopher», New York: Modern Library, 1999). Остальные произведения, на которые я опирался при написании этой книги: Bryan Magee. «The Philosophy of Schopenhauer» (Oxford: Clarendon Press, 1983; revised 1997); John E. Atwell. «Schopenhauer: The Human Character» (Philadelphia: Temple University Press, 1990); Christopher Janeway. «Schopenhauer» (Oxford, U.K.: Oxford Univ. Press, 1994); Ben-Ami Scharfstein. «The Philosophers: Their Lives and the Nature of their Thought» (New York: Oxford University Press, 1989); Patrick Gardiner. «Schopenhauer» (Saint Augustine's Press, 1997); Edgar Saltus. «The Philosophy of Disenchantment» (New York: Peter Eckler Publishing Co., 1885); Christopher Janeway. «The Cambridge Companion to Schopenhauer» (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999); Michail Tanner. «Schopenhauer» (New York: Routledge, 1999); Frederick Copleston. «Arthur Schopenhauer: Philosopher of Pessimism» (Andover, UK: Chapel River Press, 1946); Alain de Botton. «The Consolations of Philosophy» (New York: Vintage, 2001); Peter

Raabe. «Philosophical Counseling» (Westport, Conn.: Praeger); Shlomit C. Schuster. «Philosophy Practice: An Alternative to Counseling and Psychotherapy» (Westport, Conn.: Praeger, 1999); Lou Marinoff. «Plato Not Prozac» (New York: HarperCollins, 1999); Peirre Hadot and Arnold I. Davidson, eds. «Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault» (Michael Chase, trans., New Haven: Blackwell, 1995); Martha Nussbaum. «The Therapy of Desire» (Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1994); Alex Howard. «Philosophy for Counseling and Psychotherapy: Pythagoras to Postmodernism» (London: Macmillan, 2000).

Глава 1

Каждое дыхание отражает непрерывно нападающую смерть, с которой мы таким образом ежесекундно боремся... В конце концов смерть должна победить, ибо мы – ее достояние уже от самого рождения своего и она только временно играет со своей добычей, пока не поглотит ее. А до тех пор мы с большим рвением и усердной заботой продолжаем свою жизнь, насколько это возможно, подобно тому как возможно дольше и возможно больше раздувают мыльный пузырь, хотя и знают наверное, что он лопнет[1 - Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 1. – § 57. – Здесь и далее цитаты из «Мир как воля и представление» приводятся в пер. Ю. Айхенвальда.].

Джулиус не хуже других знал все, что принято говорить о смерти. Он был согласен со стоиками, которые утверждали: «Рождаясь, мы умираем», и с Эпикуром, рассуждавшим: «Пока я здесь, смерти нет, а когда она придет, меня не будет. Зачем же ее бояться?» Как врач и психотерапевт он и сам не раз твердил нечто подобное, сидя у постели умирающих.

Но, хотя он и считал своим долгом внушать клиентам эти невеселые истины, ему и в голову не приходило, что однажды они смогут пригодиться ему самому. По крайней мере, до того жуткого момента месяц назад, который навсегда перевернул его жизнь.

Это случилось во время ежегодного планового осмотра у врача. Его врач, Херб Катц, старинный приятель и бывший однокурсник, закончил привычную процедуру и, позволив Джулиусу одеться, подждал его в своем кабинете для

заключительной беседы.

Херб сидел за столом, вертя в руках карту Джулиуса.

– Ну что ж, старик, для шестидесяти пяти совсем неплохо. Правда, простата слегка увеличена, но и у меня, доложу я тебе, не лучше. Кровь, холестерин, липиды – все выглядит довольно прилично: лекарства и диета делают свое дело. Вот твой рецепт. Липитор и пробежки привели холестерин в норму, так что можешь немного расслабиться: время от времени съедай по яйцу. Лично я ем два каждое воскресенье. Да, и вот твой рецепт на синтиرويد. Я решил слегка увеличить дозировку: щитовидка начала давать сбои – здоровые клетки отмирают, пошло замещение фиброзной тканью. Ничего страшного, как ты понимаешь, обычная история – я сам лечу щитовидку. Что поделаешь, Джулиус, старость не радость. Теперь что касается всего остального. Коленный хрящ порядком износился, волосяные фолликулы атрофируются, верхние поясничные диски уже не те, да и эластичность кожи заметно снизилась: клетки эпителия сдают. Посмотри на эти старческие кератомы на щеках – видишь коричневые бляшки? – Он поднес зеркальце, чтобы Джулиусу было лучше видно. – Их заметно прибавилось с тех пор, как мы с тобой виделись в последний раз. Сколько времени ты проводишь на солнце, старик? Надеюсь, носишь шляпу с широкими полями, как я тебе советовал? Тебе нужно сходить к дерматологу, Джулиус. Сходи к Бобу Кингу, он сидит в соседнем корпусе. Вот его телефон. Знаешь его?

Джулиус кивнул.

– Он может убрать самые неприятные – выжигает жидким азотом. Я сам удалил несколько штук в прошлом месяце. Пустяки – пять-десять минут, и готово. Многие врачи сейчас делают это себе сами. Особенно я хотел бы, чтобы он осмотрел одну у тебя на спине – вот, взгляни, внизу, сбоку на правой лопатке. Она отличается от остальных – пигментация неровная и края нечеткие. Скорее всего ничего страшного, но пусть на всякий случай посмотрит. Договорились, старик?

«Ничего страшного, но пусть посмотрит» – Джулиус уловил настороженность и деланую небрежность в голосе Херба. Нет, ошибки быть не могло: эта фраза – «пигментация неровная и края нечеткие», – брошенная между своими, была тревожным знаком. Код, шифровка, которая могла означать только одно – серьезное подозрение на меланому. Уже потом, оглядываясь назад, Джулиус

понял, что именно с этой фразы, с этого самого момента кончилась его прежняя беззаботная жизнь, и смерть, до того невидимая, предстала перед ним во всем своем отвратительном облики. Смерть пришла насовсем, не собиралась покидать его ни на мгновение, и весь дальнейший кошмар стал лишь эпилогом ее появления.

Боб Кинг когда-то лечился у Джулиуса – как, впрочем, и большинство врачей из Сан-Франциско. Вот уже три десятка лет Джулиус был царь и бог местного психотерапевтического сообщества. Он преподавал в Калифорнийском университете, у него была куча учеников, а пять лет назад он даже успел побывать президентом Американской ассоциации психиатров.

Что касается его репутации, без преувеличения можно было сказать, что это врач божьей милостью, каких поискать, искусный мастер, не щадящий ни сил ни времени ради спасения больного. Вот почему, когда десять лет назад Бобу Кингу срочно потребовалось избавиться от викодановой зависимости – частой проблемы среди врачей по причине его доступности, – Кинг обратился именно к Джулиусу. В тот момент Кинг действительно остро нуждался в помощи: его тяга к викодану стремительно нарастала, семейная жизнь трещала по швам, страдала работа, и вдобавок каждый вечер он был вынужден накачиваться снотворными, чтобы заснуть.

Боб попытался было лечиться частным образом, но двери одна за другой захлопывались перед его носом. Все, к кому он обращался, предлагали ему для начала вступить в профессиональную группу коррекции – предложение, которое Боб решительно отвергал, опасаясь скомпрометировать себя в глазах коллег. Однако его собеседники и слышать ни о чем не хотели: возьмись они самостоятельно лечить своего товарища, не прошедшего официального курса лечения, им грозил бы серьезный нагоняй от начальства, если не судебные разбирательства в случае грубой врачебной ошибки подопечного.

Когда Боб уже готов был оставить практику и взять отпуск, чтобы переехать на лечение в другой город, ему пришло в голову обратиться к Джулиусу. Тот рискнул и взялся вытащить его в одиночку, и хотя лечение шло с большим трудом, как это всегда бывает в подобных случаях, Джулиус три года тянул Боба, не прибегая к помощи групповых программ. В конце концов это так и осталось его профессиональной тайной, какие найдутся у любого психотерапевта, – короче говоря, лечение закончилось успехом, который ни под каким видом не подлежал разглашению.

Выйдя от Херба, Джулиус сел в машину. Сердце колотилось так сильно, что казалось, машина раскачивается из стороны в сторону. Он глубоко вздохнул, чтобы подавить нарастающий страх, потом еще и еще, дрожащими руками взялся за телефон и условился с Бобом Кингом об экстренной встрече.

– Она мне не нравится, – на следующее утро сказал Боб, осматривая спину Джулиуса сквозь большую лупу. – Давай, я возьму зеркало, сам увидишь.

Боб развернул его спиной к зеркалу на стене, а сам взял большое карманное зеркальце с ручкой. Джулиус бросил взгляд на отражение Кинга в зеркале: белобрысый, кровь с молоком, толстые линзы очков на длинном мясистом носу – он вспомнил, как Боб рассказывал ему, что в детстве за этот нос его дразнили «сливой». За последние десять лет он почти не изменился – все такой же нелепо суетливый, как прежде. За то время, что Боб был его пациентом, он ни разу не появился на прием вовремя. Всякий раз, когда он, пыхтя и отдуваясь, вырастал на пороге, Джулиус вспоминал Белого Кролика из «Алисы»: «Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!» С тех пор Кинг немного прибавил в весе, но так и остался коротышкой. В общем, типичный дерматолог – кто может похвастать, что встречал высокого дерматолога? Джулиус перевел взгляд на его глаза – ой-ой, они встревоженные, зрачки расширены.

– Вот, полюбуйся. – Боб ткнул кончиком карандаша с ластиком на конце. Джулиус взглянул в зеркало. – Вот эта плоская родинка с правой стороны под лопаткой, видишь?

Джулиус кивнул.

Приложив к ней небольшую линейку, Боб продолжил:

– Чуть меньше сантиметра. Помнишь старое доброе правило ABCD из курса дерматологии...

Но Джулиус его прервал:

– Послушай, Боб, я ни черта не помню из дерматологии. Ты уж рассказывай как для идиотов.

– Ну ладно. Итак, правило ABCD гласит: А – это асимметрия. Вот, взгляни. – Он обвел карандашом область пятна. – Она не совсем круглая, как остальные у тебя на спине – вот эта или эта. – Он показал на два соседних пятнышка. Джулиус глубоко вздохнул, чтобы снять напряжение. – В – это бока, границы. Вот тут, хотя здесь не так хорошо видно. – Боб снова указал на пятно под лопаткой. – Видишь, в верхней части край четкий, а вот здесь, в середине, он расплывчатый и почти сливается с кожей. С – это цвет. Вот здесь, сбоку, она светло-коричневая, но под увеличительным стеклом видны красные, черные и даже серые участки. D – диаметр. Как я уже сказал, где-то семь восьмых сантиметра. Это нормально, но мы не знаем, сколько времени назад она появилась, то есть как быстро она растет. Херб Катц говорит, что в прошлом году ее еще не было. И наконец, под стеклом в центре четко видно изъязвление. – Он отложил зеркальце. – Можешь одеваться, Джулиус.

Дождавшись, когда пациент застегнет рубашку, Кинг присел на табуретку посреди смотровой и начал:

– Ну, что ж, Джулиус, ты сам все понимаешь. Поводы для беспокойства налицо.

– Послушай, Боб, – ответил Джулиус, – я понимаю, наши прежние отношения мешают тебе изъясняться по-человечески, но прошу тебя, не заставляй меня делать твою работу. Не думай, будто я в этом что-нибудь соображаю. Пойми, я сейчас в ужасе на грани паники. Я хочу, чтобы ты отнесся к этому делу серьезно, был со мной предельно честен и занялся этим, как когда-то я с тобой. И, черт тебя побери, Боб, смотри мне в глаза. Когда ты отводишь взгляд, мне страшно до смерти.

– Хорошо, прости, старик. – Боб посмотрел Джулиусу в глаза. – Ты мне действительно помог тогда, и теперь я сделаю то же самое. – Он откашлялся. – Ну, что ж, Джулиус, учитывая симптоматику, я склонен думать, что это действительно меланома. – Заметив, как вздрогнул Джулиус, Боб поспешил добавить: – Хотя сам по себе диагноз еще ничего не значит. Большинство – заметь себе, большинство – меланом поддаются лечению, хотя, надо признать, попадают и весьма коварные штучки. Для начала нам нужно обратиться к патологу, мы должны знать, действительно ли это меланома, насколько глубоко она успела внедриться и как быстро растет, поэтому для начала мы сделаем биопсию и отдадим патологу. Потом я приглашу хирурга, чтобы он осмотрел пятно, и сам буду рядом. Затем осмотр замороженного образца у патолога, и если ответ отрицательный, тогда все отлично – мы закрываем дело. Если

положительный и это действительно меланома, тогда мы удаляем наиболее подозрительный узел и, если нужно, делаем повторную резекцию. Никакой госпитализации – всю процедуру проводим в хирургическом отделении. Я почти уверен, что пересадки кожи не потребуются. Самое страшное – пропустишь денек на работе, ну и походишь несколько дней на перевязку. Все, больше я тебе ничего сказать не могу, пока не получим результатов биопсии. Раз ты меня попросил, я за это возьмусь. Можешь на меня положиться, в моей практике были сотни подобных случаев. Хорошо? Моя медсестра позвонит тебе сегодня и все объяснит – время, место и прочее. Договорились?

Джулиус кивнул. Оба поднялись.

– Мне очень жаль, старина, – сказал Боб. – Я бы рад тебя от всего этого избавить, но не могу. – Он протянул Джулиусу информационный буклет. – Знаю, тебе это не понравится, но я всегда предлагаю его в таких случаях. Конечно, все реагируют по-разному: на кого-то действует успокаивающе, другие выбрасывают в мусорку за дверь. Надеюсь, в следующий раз у меня будут для тебя новости получше.

Но новостей получше так и не появилось – дальше было только хуже. Через три дня после биопсии они встретились снова.

– Хочешь прочесть сам? – спросил Боб, протягивая ему заключение патолога. Джулиус мотнул головой, поэтому Боб в очередной раз пробежался глазами по бумажке и начал: – Тогда слушай. Новости не очень утешительные. В общем, это действительно меланома, и у нее имеется... э-э-э... несколько специфических признаков, на которые стоит обратить внимание: она довольно крупная, больше четырех миллиметров в глубину, изъязвленная, с пятью четко выраженными узлами.

– Погоди-погоди, Боб, я ни черта не понимаю. «Специфических», «четыре миллиметра», «изъязвленная», «пять узлов»? Что ты ходишь вокруг да около? Ты можешь объяснить по-человечески, что все это значит?

– У нас плохие новости, Джулиус, вот что это значит. Твоя меланома достигла порядочного размера и находится на стадии образования узлов. Опасность в том, что она может разнестись по всему организму, но об этом мы сможем судить только по компьютерной томографии, которую я назначил на завтра в

восемь.

Через два дня они продолжили беседу. Боб доложил, что компьютерная томография дала отрицательный результат – никаких признаков распространения по организму. Первое обнадеживающее известие.

– И тем не менее, Джулиус, это опасная меланома.

– Насколько опасная? – Голос Джулиуса дрогнул. – Что ты имеешь в виду? Какова вероятность летального исхода?

– Видишь ли, тут можно говорить только об общей статистике. У всех протекает по-разному. Изъязвленная меланома глубиной четыре миллиметра с пятью узлами – в среднем, это пять лет жизни менее чем в двадцати пяти процентах случаев.

Несколько минут Джулиус сидел, опустив голову, сердце колотилось, в глазах стояли слезы. Наконец он произнес:

– Что ж, спасибо за откровенность. Продолжай. Я должен знать, что скажу своим пациентам. Сколько я протяну? Что меня ждет дальше?

– Сейчас ничего нельзя сказать определенно, Джулиус, – до тех пор, пока твоя меланома не объявится где-нибудь в другом месте. Если это произойдет, особенно если она начнет метастазировать, тогда все может закончиться очень быстро – за несколько недель или месяцев. А что касается твоих пациентов, пока сложно сказать, но, я думаю, минимум год ты можешь ни о чем не беспокоиться.

Джулиус, не поднимая головы, медленно кивнул.

– Где твои родственники, Джулиус? Почему ты никого с собой не привел?

– Жена умерла десять лет назад, ты же знаешь. Сын на Восточном побережье, а дочка в Санта-Барбаре. Я им не сообщал – не хотел тревожить раньше времени. Терпеть не могу жаловаться на болячки, хотя уверен, дочка примчится сразу, как только узнает.

– Мне очень жаль, что все так вышло, Джулиус. Хочу немного тебя утешить. Видишь ли, сейчас активно занимаются этой проблемой, у нас и за границей. В последние десять лет заболеваемость меланомой резко подскочила, почти удвоилась, так что сейчас это актуально как никогда. Кто знает – может, мы уже стоим на пороге открытия.

Всю следующую неделю Джулиус жил как во сне. Его дочь Эвелин, преподаватель античной филологии, спешно отменила занятия и на несколько дней вернулась домой. Сначала он обстоятельно побеседовал с ней, потом с сыном, с сестрой, братом и близкими друзьями. Каждую ночь в три он просыпался от ужаса, плача и задыхаясь. Свои занятия с группой и частными клиентами он отменил на две недели и теперь подолгу размышлял, что и как им сказать.

Зеркало отказывалось подтверждать, что он видит перед собой человека на краю могилы. От ежедневных пробежек его тело было молодым и упругим – ни капли жира. Вокруг глаз и рта всего несколько незаметных морщинок. Совсем немного – у его отца их не было вообще до самой смерти. Зеленые глаза. Джулиус всегда ими гордился – спокойные, честные глаза. Глаза, располагающие к доверию, способные выдержать любой взгляд. Совсем молодые – точно такие же, как когда-то были у шестнадцатилетнего Джулиуса. Смертельно больной старик и шестнадцатилетний подросток пристально вглядывались друг в друга, и между ними лежала пропасть в десятилетия.

Он смотрел на свои губы. Полные, добродушные губы, даже сейчас, в пору отчаяния, готовые расплыться в жизнерадостной улыбке. Шапка черных непослушных волос, только на висках посеребренных сединой. Когда-то давно, в Бронксе, когда он был мальчишкой, седой старик-парикмахер, антисемит с багровым лицом, державший лавочку между кондитерской Майера и мясником Моррисом, на чем свет бранился, продираясь металлической расческой сквозь эти густые космы и орудуя ножницами для прореживания волос. А теперь уже нет ни Майера, ни Морриса, ни старика-парикмахера, да и шестнадцатилетний подросток Джулиус сам в черном списке смерти.

В один из таких дней он попытался было взбодриться, почитав о меланоме в университетской библиотеке, но, как выяснилось, совершенно напрасно. Хуже, чем напрасно, – картина стала еще мрачнее. Чем больше он узнавал про свою болезнь, тем настойчивее меланома являлась ему в образе ненасытного

чудовища, что запустило в тело свои мерзкие щупальца. Как странно осознавать, что он больше не является совершенной биологической формой. Теперь он прибежище паразита, питательная среда, средство существования неразборчивой твари, чьи прожорливые клетки размножаются с головокружительной скоростью, коварного врага, нанесшего вероломный удар ему в спину, безжалостно захватившего область смежной протоплазмы и теперь, без сомнения, готовившего новые отряды десанта, чтобы высадить их в его кровеносную систему и колонизировать отдаленные органы – может быть, уже нацеливаясь на нежные, сочные поляны его печени или мягкие заливные луга легких.

Он забросил чтение. Прошло больше недели, пора выходить из ступора. Настало время взглянуть правде в глаза. Сядь, Джулиус, сказал он себе, сядь и подумай о смерти. Он закрыл глаза.

Итак, подумал он, смерть все-таки решила появиться на сцене. Но что за идиотский антураж. Занавес, нелепо отдернутый коротышкой-дерматологом в белом больничном халате с синими буквами на нагрудном кармане, с лупой в руках и сливой вместо носа.

А заключительная сцена? Надо полагать, получится не менее банально. Костюм? Мятая ночная сорочка в полоску с эмблемой «Нью-Йоркских Янки» и цифрой 5, номером Димаджио, на спине. Декорации? Старая необъятная кровать, верой и правдой служившая ему вот уже тридцать лет, смятые простыни на кресле, на тумбочке – стопка непрочитанных романов, еще не догадывающихся о том, что их время никогда не наступит. Сопливый, неутешительный финал. Нет, думал Джулиус, его яркая, наполненная жизнь заслуживает более... более... чего?

Неожиданно ему вспомнилась картинка, которую он наблюдал несколько месяцев назад, когда отдыхал на Гавайях. Однажды, гуляя по окрестностям, он набрел на буддистский центр и увидел за оградой молодую женщину, которая ходила по спиральному лабиринту, выложенному лавовыми камушками. Дойдя до центра, она остановилась и надолго замерла в медитации. Джулиуса всегда тошнило от религиозных церемоний; отношение его располагалось где-то между насмешкой и брезгливостью.

Но теперь, думая об этой молодой женщине, он больше не испытывал к ней неприязни. Напротив, теперь его переполняло сострадание – и к ней, и к остальным собратьям, ставшим, как и он, жертвами легкомысленной эволюции,

из собственной прихоти наделяющей несчастных сознанием и не заботящейся о том, чтобы снабдить их психологическим механизмом защиты от страданий бренного бытия. А потому мы год за годом, веками, тысячелетиями с редким упорством продолжаем воздвигать одно доморощенное доказательство собственного бессмертия за другим. Когда же мы, каждый из нас, перестанем искать ту неведомую высшую силу, слившись с которой можно было бы, наконец, обеспечить себе вечность? Когда перестанем вымаливать у небес подробные наставления на путь истинный, цепляться за краешек чей-то большой одежды, плодить все новые церемонии и обряды?

И все же, пытаясь представить свое имя в списках умерших, он подумал, что скромная церемония была бы, пожалуй, нелишней. Правда, он тут же поспешил откреститься от этой мысли – уж слишком не вязалась она с презрением, которое он всю жизнь питал к ритуальным играм любого рода. Его всегда раздражал тот набор средств, которыми религии облапошивают своих последователей: все эти пышные одеяния, фимиамы, священные книги, усыпляющие григорианские песнопения, молитвенные колеса, молитвенные коврики, платки и тубетейки, епископские митры и посохи, эти хлеб и вино, соборования, головы, что кивают, как болванчики, тела, что раскачиваются в такт заунывным мотивам, – все это он считал частью одной большой и затянувшейся игры, затеянной только для того, чтобы позволить одним помыкать, а другим пресмыкаться.

Однако теперь, когда смерть подошла совсем близко, Джулиус начал замечать, что его прежняя нетерпимость стала терять остроту. Может, отвращение вызывал лишь навязанный ритуал, а какая-нибудь скромная неформальная церемония – вовсе не так уж плохо? Теперь его до слез трогали заметки в газетах о том, как пожарные в Нью-Йорке, разбирая завалы на месте башен-близнецов, прекращали работу и снимали каски всякий раз, когда очередные останки жертв выносили наружу. Нет ничего плохого в том, чтобы почтить память умерших... нет! – воздать должное жизни тех, кого уже нет. Но только ли в этом дело? Только ли в почтении, только ли в обряде? Или то была солидарность, признание своей связи с каждой жертвой – нашей общей связи, всех и со всеми?

Джулиус и сам недавно испытал нечто подобное. Это случилось вскоре после того памятного разговора у дерматолога, на собрании коллег-психотерапевтов. Его товарищи были потрясены известием. Они заставили Джулиуса выложить все от начала до конца и, внимательно выслушав, заговорили о своей печали и

потрясении. В какой-то момент ни у кого не осталось больше слов. Пару раз кто-то пытался что-то сказать, но не мог – всем вдруг сделалось ясно, что слова не нужны. Последние двадцать минут все просто сидели молча. Обычно от долгих пауз становится неловко, но на этот раз все было по-другому. В том молчании было что-то почти приятное. Джулиус не без удивления признался самому себе, что тишина казалась почти «священной». Потом он понял: члены группы не просто выражали горе – они снимали шляпы, они стояли навтыжку в знак уважения к его жизни.

А может, собственной жизни, подумал Джулиус. Что еще у нас есть? Что еще, кроме этого удивительного, блаженного мига сознания и бытия? Если что и должно вызывать в нас священный трепет – только этот бесценный дар абсолютной и чистой реальности. Лить слезы оттого, что жизнь не вечна, что в ней нет смысла или раз и навсегда заведенного порядка, – ослиная неблагодарность. Выдумывать себе всемогущего Бога, чтобы всю жизнь ползать перед ним на коленях, – бессмысленно. И вдобавок расточительно: изливать любовь на призрачные химеры, когда ее недостает живым, – не чересчур ли щедро? Не лучше ли последовать примеру Спинозы и Эйнштейна – склонить голову перед непостижимым таинством природы, почтительно ей поклониться и преспокойно жить в свое удовольствие?

Нельзя сказать, чтобы Джулиуса впервые посещали эти мысли, – он, конечно, и раньше знал, что сознание конечно и обречено рано или поздно исчезнуть. Но есть существенная разница между знать и знать. Появление смерти приблизило его к настоящему знанию. Не то чтобы он вдруг, в единый миг, стал мудрее; просто теперь, когда многое из того, что раньше мешало ему видеть главное – карьера, любовь, деньги, признание, слава, – исчезло, его взгляд приобрел ясность. Может быть, об этой отстраненности и говорил Будда? Как бы там ни было, лично он предпочитал подход греков: все хорошо в меру. Жить с постной миной, застегнутым на все пуговицы, – верный способ пропустить самое главное на празднике жизни. Стоит ли спешить к выходу, не дождавшись последнего занавеса?

Через несколько дней, когда Джулиус немного успокоился и приступы паники стали возникать все реже, он смог, наконец, задуматься о будущем. Боб Кинг сказал «один год» – «сложно сказать, но, я думаю, как минимум год ты можешь ни о чем не беспокоиться». Как прожить этот год? Первым делом, решил Джулиус, не стоит превращать этот хороший год в плохой только из-за того, что

это лишь год и не более.

Однажды ночью, не в силах заснуть и желая хоть чем-нибудь отвлечься, он рассеянно перебирал книги в своей библиотеке. Он уже успел просмотреть все, что было написано в его области, но так и не нашел ничего, что хоть как-то подходило к его теперешнему состоянию. Нигде не говорилось, как следует жить, в чем искать опору, когда тебе остались считанные дни. Неожиданно ему на глаза попала старая потрепанная книжка Ницше «Так говорил Заратустра». Джулиус был знаком с ней слишком хорошо: как-то, много лет назад, работая над статьей, посвященной серьезному, но, увы, непризнанному влиянию Ницше на Фрейда, он проштудировал ее вдоль и поперек. Сильная книга, больше других учившая любить и ценить жизнь. Да, здесь мог быть спасительный ключик. Слишком взвинченный, чтобы читать все подряд, он принялся перелистывать страницы, выхватывая наугад места, которые сам когда-то подчеркнул.

«Изменить «так было» на «так я хотел» – вот что я готов назвать истинным спасением».

Применительно к его теперешнему положению эта идея Ницше могла означать только одно: он обязан был сам выбрать свою жизнь, прожить ее, вместо того чтобы позволить ей сделать это за него. Иными словами, он обязан был возлюбить свою судьбу. Он вспомнил любимый вопрос Заратустры: захотел бы ты жизнь, которую сейчас живешь и жил донине, прожить еще раз, а потом еще и еще, и так до бесконечности? Любопытный мысленный эксперимент – и все же, чем дольше Джулиус об этом раздумывал, тем яснее понимал, что? хотел сказать Ницше: да, нужно проживать свою жизнь так, чтобы хотелось повторять ее снова и снова.

Он полистал еще. Две фразы, жирно обведенные ярко-розовыми чернилами, привлекли его внимание: «Живи свою жизнь», «Умирай в нужное время».

Вот именно! Сначала получи от жизни все, а уж потом – и только потом – умирай. Не оставляй за собой ни капли непрожитой жизни. Джулиус часто сравнивал Ницше с тестом Роршаха: оба так пестрили противоречиями, что оставалось только выбрать – бери что душе угодно. Теперь его душе угодно было нечто совершенно особое: близость смерти изменила процесс чтения, наполнила его новым смыслом: листая книгу, он буквально на каждой странице обнаруживал теперь свидетельства пантеистического единства, которых не замечал раньше.

Как Заратустра ни превозносил, как ни возвеличивал свое одиночество, как ни нуждался в уединении, чтобы дать выход своим великим мыслям, он все же искренне любил людей, стремился помочь им стать лучше, выше, встать с коленей, вырваться из узких рамок, спешил поделиться с ними собственной зрелостью. Вот именно – поделиться собственной зрелостью.

Поставив «Заратустру» на место, Джулиус еще посидел в темноте, обдумывая слова Ницше и провожая глазами огоньки машин, бегущих по мосту Золотые Ворота. Через несколько минут его «осенило»: он понял, что? будет делать, как проживет свой последний год. Он будет жить его точно так же, как прожил свой прошлый год – и позапрошлый год, и позапозапрошлый. Он любил свою работу, любил общаться с людьми, пробуждать в их жизни что-то новое. Конечно, это могло быть бегством от потери жены; может, ему требовались аплодисменты, признание, благодарность тех, кому он помог. Хорошо, пусть так, пусть не совсем бескорыстно, но он был благодарен своей работе. Благослови ее Бог!

Джулиус подошел к своей картотеке, занимавшей целую стену, и выдвинул ящик, где хранились старые медицинские карты и магнитофонные записи бесед. Он пробежался по корешкам – каждый был свидетелем мучительной драмы, что когда-то разыгрывалась здесь, в этих самых стенах. Он принялся их перебирать. Лица одних мгновенно возникали перед ним, другие забылись, и требовалось заглянуть в записи, чтобы освежить память, третьи совершенно стерлись – их лица, истории болезни, – все навсегда утрачено.

Как и большинство коллег, Джулиус регулярно терпел удары, сыпавшиеся со всех сторон на терапию как таковую. Изощрялись все кому не лень: фармацевтические компании и клиники с их скоропалительными заключениями, заранее состряпанными в пользу какой-нибудь новоявленной панацеи или суперметода лечения; журналисты, никогда не упускавшие случая выставить психотерапию в самом нелепом свете; бихевиористы, публичные лекторы и целая армия новомодных целителей и шаманов всех мастей, сражавшихся за сердца и умы страждущего человечества. Не обходилось, конечно, и без внутренних сомнений: революционные открытия в молекулярной нейробиологии, с поразительной частотой потрясавшие ученый мир, порой заставляли даже самых искушенных профессионалов сомневаться в своей правоте.

Джулиус тоже не был застрахован от подобных приступов, частенько тонул в сомнениях относительно эффективности собственных методов лечения и всякий

раз успокаивал себя и убеждал в обратном. Конечно же, он хороший доктор. Конечно, он знает, как помочь своим пациентам, и помог большинству из них – может быть, даже всем без исключения.

Однако червь сомнений не унимался: А ты уверен, что действительно помог своим пациентам? Может быть, ты просто понадергал таких, которые пошли бы на поправку и без тебя?

Нет, это не так! Разве я не брался за самые тяжелые случаи?

А ты часом не перетрудился? Вспомни, когда в последний раз ты выкладывался по полной? Что-то я не припомню, чтобы ты взялся хоть за одного по-настоящему тяжелого больного. За пограничную умственную отсталость, например? Или за биполярного? Запущенного шизофреника?

Перебирая карты, Джулиус подивился, как много, оказывается, сохранилось у него о каждом клиенте: наблюдения о постлечебном контроле и сеансах коррекции, воспоминания о случайных встречах с бывшими пациентами, их собственные письма, переданные со знакомыми, которых они позже рекомендовали Джулиусу. И все-таки был ли долговременный эффект от его терапии? Или его клиенты получали только временное облегчение? Может, большинство из тех, кого он считал успешным, на самом деле сталкивались потом с рецидивами и скрывали это от него из жалости?

Он подошел к ящику, где хранились его неудачи – публика, как он всегда считал, не созревшая для его суперсовременных методов лечения. Постой, Джулиус, сказал он себе, погоди. Откуда ты знаешь, что эти случаи действительно закончились неудачей? Полным и окончательным провалом? Ты же их с тех пор не видел. Ведь встречаются тугодумы, до которых доходит как до утки на третьи сутки.

Его взгляд скользнул по пухлому делу Филипа Слейта. Ты хотел неудачу? – усмехнулся он. Вот тебе неудача. Высший класс. Филип Слейт. Больше двадцати лет прошло с тех пор, а Филип Слейт и сейчас стоял перед ним как живой. Светло-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад, точеный нос, широкие скулы – признак породы, и живые зеленые глаза, которые всегда напоминали Джулиусу Карибское море. Он вспомнил, что на сеансах с Филипом его раздражало буквально все. Все, кроме одного – было истинное удовольствие

видеть перед собой это лицо.

Филип Слейт был так откровенно равнодушен к собственной персоне, что ему никогда не приходило в голову заглянуть внутрь себя. Он предпочитал беззаботно скользить по волнам жизни, целиком отдаваясь одному-единственному занятию – сексу, благо из-за его смазливой внешности в добровольцах недостатка не было. Джулиус покачал головой, пробегая глазами карту Филипа: три года на установление контакта, заботы, тревоги, переживания, все эти бесконечные многочасовые «проработки» – и ни с места. Поразительно. Может, он все-таки напрасно мнил себя столь замечательным психотерапевтом?

Постой-постой, Джулиус, сказал он себе, не стоит спешить с выводами. Зачем бы иначе Филип стал ходить к тебе эти три года? Разве стал бы он выбрасывать на ветер целую кучу денег, если бы не получал ничего взамен? А уж Филип Слейт терпеть не мог тратить свои денежки, это факт. Может, твои сеансы все-таки ему помогли? Может, Филип был той самой уткой? Одним из тех медлительных тугодумов, которые старательно расписывают твои рекомендации по карманам, несут их домой и потом уж втихомолку обглаживают, как лакомую косточку? Джулиусу встречались и такие заносчивые типы, которые нарочно скрывали положительные результаты, чтобы, не дай бог, не доставить врачу удовольствие от неплохо сделанной работы – и тем самым признать его власть над собой.

Филип Слейт влез в его память, и теперь Джулиус никак не мог от него отделаться. Тот основательно окопался и не желал вылезать. Совсем как меланома. Постепенно неудача с Филипом стала казаться Джулиусу олицетворением всех его профессиональных неудач. В деле Филипа Слейта определено было что-то особенное. Но что именно? Джулиус открыл карту и прочел самые первые наблюдения, сделанные двадцать пять лет назад.

Филип Слейт – 11 дек. 1980 г.

26 л., неженат, белый, химик, работает в компании «Дю Пон» – разрабатывает пестициды. Удивительно хорош собой, одет небрежно, но держится с достоинством, тон холодный, сидит напряженно, почти неподвижно, никаких чувств, серьезен, полное отсутствие юмора, не улыбается, говорит только по делу, абсолютно некоммуникабелен. Направлен участковым врачом, д-ром

Вудом.

ОСНОВНАЯ ЖАЛОБА: «Не могу управлять своими сексуальными желаниями».

Почему обратился именно сейчас? «Последняя капля» – эпизод недельной давности, рассказывает, как по бумажке.

«Я прилетел в Чикаго по делам. Сойдя с самолета, направился к ближайшей телефонной будке и стал обзванивать знакомых женщин, с которыми можно было бы переспать этой ночью. Увы. Все были заняты. Этого и следовало ожидать – пятница, вечер. Я же знал, что лечу в Чикаго. Почему не позвонил им заранее? Когда мой список подошел к концу, я повесил трубку и сказал себе: «Слава богу, сегодня я смогу спокойно почитать и хорошенько выспаться – о чем я на самом деле и мечтал все это время».

Пациент говорит, что эта странная фраза – «о чем я на самом деле и мечтал все это время» – целую неделю не давала ему покоя и послужила толчком обратиться к врачу. «Вот что меня беспокоит, – говорит он. – Если я хочу только одного – почитать и как следует выспаться, объясните мне, доктор Хертцфельд, почему я не могу, почему я этого не делаю?»

Постепенно Джулиус вспоминал все новые подробности знакомства с Филипом Слейтом. Филип всерьез интересовал его с научной точки зрения. Дело в том, что как раз в это время Джулиус работал над вопросом силы воли в психотерапии, и слова Филипа – почему я не могу делать то, что хочу? – могли послужить великолепным началом для его статьи. Но больше всего ему запомнилась фантастическая твердолобость Филипа: после трех лет занятий он нисколько не переменился, оставался точно таким же, как был вначале, – и все так же страдал от сексуальной озабоченности.

Что стало с Филипом Слейтом? Ни слуху ни духу от него, с тех пор как он резко соскочил тогда, двадцать два года назад. И снова у Джулиуса промелькнула надежда, что, возможно, несмотря ни на что, он все-таки помог Филипу. Внезапно им овладело нетерпение: он должен знать, сию же минуту – вопрос жизни и смерти. Он схватил телефон и набрал 411.

Глава 2

Восторг слияния! Вот в чем истинная суть, средоточие, цель и назначение бытия[2 - Arthur Schopenhauer. Manuscript Remains in Four Volumes, ed. Arthur Hubscher. - Oxford: Berg Publishers, 1988-1990. - Vol. 3. - P. 262. - § 111.].

- Алло, это Филип Слейт?

- Да, Филип Слейт слушает.

- Это доктор Хертцфельд, Джулиус Хертцфельд.

- Джулиус Хертцфельд?

- Голос из прошлого.

- Далекого прошлого. Из плейстоцена. Джулиус Хертцфельд! Поверить не могу. Это сколько же?.. Лет двадцать прошло? И чем обязан?

- Видишь ли, Филип, я звоню по поводу оплаты. По-моему, ты мне остался должен за последнюю встречу.

- Что? За последнюю встречу? Но я же помню...

- Шутка, Филип, расслабься. Забыл старика? Балуюсь по старой памяти. Седина в бороду... Ладно, если серьезно, я звоню тебе вот по какому делу. Видишь ли, у меня появились кое-какие проблемы со здоровьем, начинаю подумывать о пенсии. Так вот, я размышлял тут на досуге и подумал, неплохо было бы встретиться с бывшими пациентами - устроить нечто вроде посттерапевтической беседы - так, ради собственного интереса. Потом объясню подробнее, если захочешь. В общем, я вот что хотел тебя спросить: не могли бы мы с тобой повидаться? Побеседовать часок, вспомнить нашу работу, поболтать, как и что? Это было бы интересно и полезно для меня - а может, и для тебя тоже.

- Гм... часок. Что ж, я не против. Надеюсь, это бесплатно?

- Если не захочешь выставить мне счет - это же я прошу твоего времени. Может, на этой неделе, скажем, в пятницу после обеда?

- В пятницу? Идет. В час дня. Я не стану брать с вас за услуги, доктор Хертцфельд, но на этот раз мы встретимся на моей территории. Я сижу на Юнион-стрит - 4-31 Юнион-стрит, возле Франклин. Найдете номер офиса на указателе - «доктор Слейт». Я теперь тоже терапевт.

Джулиус поежился, вешая трубку. Он развернул кресло и вытянул шею, чтобы увидеть хоть краешек моста - после такого разговора ему срочно требовалось посмотреть на что-нибудь красивое. Да, и еще держать что-нибудь теплое в руках. Он набил пенковую трубку «Балканским Собранием», чиркнул спичкой и затянулся.

Боже мой, боже, старушка латакия, этот терпкий медвяный аромат - что может быть лучше на свете? Невероятно - он столько лет не курил. Им овладела мечтательность. Он вспомнил тот день, когда бросил курить. Должно быть, сразу после памятного визита к зубному, старику-соседу Денбоеру, который умер двадцать лет назад. Двадцать лет - неужели столько времени прошло? Джулиус как сейчас видел перед собой длиннущее голландское лицо и очки в золотой оправе. Старик Денбоер под землей вот уже двадцать лет, а Джулиус все еще коптит небо. Пока.

«Это уплотнение на небе мне совсем не нравится. - Денбоер слегка покачал головой. - Нужно сделать биопсию». И хотя биопсия дала отрицательный результат, Джулиус не на шутку встревожился - как раз на той неделе он похоронил Эла, своего старинного приятеля по корту, заядлого курильщика, сгоревшего от рака легких. Не последнюю роль сыграло и то, что в это же время он читал воспоминания Макса Шура, личного врача Фрейда, где автор, не скупясь на подробности, расписывал, как раковая опухоль - результат неистребимой любви Фрейда к сигарам - последовательно уничтожила сначала его небо, затем челюсть, а потом и саму жизнь. Шур пообещал Фрейду, что, когда придет время, он поможет ему умереть, и когда в конце концов Фрейд объявил, что боль сделалась такой невыносимой, что тянуть больше нет смысла, Шур доказал, что он человек слова, и вколол пациенту смертельную дозу

морфия. Вот это был доктор. Много ли найдется таких Шуров в наши дни?

Двадцать с лишним лет без единой затяжки. А также без яиц, сыра и животных жиров. В общем, пост и воздержание – и никаких проблем. До того самого чертова осмотра. Теперь ему разрешено все – курево, мороженое, лишнее ребрышко, яйца, сыр... все. Какой смысл теперь думать об этом? Какой смысл во всем? Через год-другой Джулиуса Хертцфельда бросят в землю на съедение червям, и его молекулы разбредутся в поисках новых соединений. А через какую-нибудь пару-тройку миллионов лет и от Солнечной системы ничего не останется.

Чувствуя, как вновь спускается завеса отчаяния, он усилием воли заставил себя вернуться к настоящему. Итак, Филип Слейт стал терапевтом. Невероятно. Замороженный, способный думать только о себе – и, судя по звонку, он мало изменился. Джулиус затаился и недоверчиво покачал головой, потом снова взял дело Филипа и продолжил читать то, что надиктовал после первой беседы.

ОСНОВНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ – навязчивые сексуальные желания с 13 лет, усиленная мастурбация с подросткового возраста до настоящего времени – иногда по четыре-пять раз в день, постоянно думает о сексе, мастурбирует, чтобы снять напряжение. Мысли о сексе отнимают большую часть времени. Сам признается: «за то время, что я потратил на женщин, я спокойно мог бы защитить кандидатскую по философии, выучить китайский язык и астрофизику».

ОТНОШЕНИЯ С ЛЮДЬМИ: одиночка. Живет один с собакой в маленькой квартире. Друзей нет. Один как перст. То же с друзьями по школе и университету – абсолютно по нулям. Длительных связей с женщинами никогда не имеет – сознательно уходит от серьезных отношений, предпочитает переспать единожды, несколько раз имел более продолжительные связи, около месяца, но в таких случаях первой обычно уходит женщина – либо требует более серьезных отношений, либо недовольна, что ее используют, либо ей не нравятся его связи с другими. Постоянно ищет новизны – навязчивое желание одерживать победы, но полного удовлетворения не достигает никогда. Иногда в каком-нибудь городе знакомится с женщиной, вступает с ней в контакт, бросает ее и уже через час съезжает из гостиницы, чтобы пуститься в новые поиски. Ведет записи своих

побед и за последний год переспал с девятью женщинами. Говорит об этом совершенно равнодушно – не стыдится, но и не хвастает. По вечерам, если остается один, начинает испытывать беспокойство. Обычно секс действует, как валиум. Если же переспит с женщиной, успокаивается и весь вечер может спокойно читать. Никаких гомосексуальных проявлений или фантазий.

Что считает удачным днем? Освободиться пораньше, подцепить девицу где-нибудь в баре, переспать с ней (лучше до ужина), по-быстрому отвязаться, желательно так, чтобы не приглашать на ужин (чаще не удается). Основное желание – поскорее вырваться на свободу, чтобы почитать или пораньше улечься спать. Никакого телевизора, кино, друзей или спорта. Единственное, что увлекает, – книги и классическая музыка. Запоем читает классику, историю и философию – никакой беллетристики, ничего современного. С жаром рассуждает о Зеноне и Аристархе – его теперешнее увлечение.

БИОГРАФИЯ: родился и вырос в Коннектикуте, единственный ребенок, семья состоятельная. Отец владелец инвестиционного банка, покончил жизнь самоубийством, когда Филипу было 13. Об обстоятельствах и причинах ничего не знает – возможно, довели придирки матери. Явная детская амнезия – почти ничего не помнит о раннем детстве и совсем ничего – о похоронах отца. Мать снова вышла замуж, когда ему было 24. В школе держался особняком, с головой в учебе, друзей не было, с 17 лет, после поступления в Йель, порвал всякие отношения с родными. Звонит матери один-два раза в год, отчима в глаза не видел.

РАБОТА: преуспевающий химик – разрабатывает гормональные пестициды для «Дю Пон». Строго нормированный рабочий день, с восьми до пяти, от работы не в восторге, в последнее время заскучал. Следит за новинками в своей области, но только во время работы. Хорошая зарплата плюс премии. Жуткий скряга – обожает подсчитывать свои доходы и играет на бирже, поэтому обеденные перерывы проводит в одиночку, просматривая биржевые колонки в газетах.

ВНЕШНЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ: шизоидный тип, сексуально озабочен, очень зажат – в глаза не смотрит, ни разу не взглянул на меня, избегает личного контакта – ощущение, что вообще не знает, как строить отношения; от моего неожиданного

вопроса, какое впечатление я на него произвожу, удивился до крайности – как будто я говорю на каталонском или суахили. Очень напряжен, так что даже я чувствовал себя неловко. Чувство юмора на нуле. Блестяще образован, мысли излагает ясно, но буквально каждую мелочь приходится тянуть клещами – я даже взмок. Крайне обеспокоен стоимостью лечения (хотя свободно может это себе позволить). Попросил снизить оплату, но я отказался. Был очень недоволен тем, что мы начали на пару минут позже, и не постеснялся спросить, продлю ли я сеанс, – трясется за свой кошелек. Дважды осведомился, за сколько дней он должен предупредить меня, что прекращает лечение, – чтобы, не дай бог, не переплатить.

Захлопнув папку, Джулиус задумался: «Значит, теперь, двадцать пять лет спустя, Филип Слейт стал терапевтом. Что может быть нелепей? Судя по всему, он ничуть не изменился: по-прежнему не понимает шуток и все такой же скряга (дернул же меня черт пошутить про оплату). Психотерапевт без чувства юмора? И такая ледышка? А эта просьба – «встретиться на его территории». Джулиус снова поежился.

Глава 3

Жизнь – прескверная штука. Я решил посвятить всего себя обдумыванию этого вопроса[3 - Eduard Grisebach, ed. Schopenhauer's Gespr?che und Selbstgespr?che. – Berlin: E. Hofmann, 1898. – P. 3.].

На Юнион-стрит радостно светило солнце. Столики под навесами ресторанчиков и пиццерий заполнила обедающая публика, слышался оживленный гул голосов и треньканье посуды. Яркие голубые и розовые шарики реяли над счетчиками парковок, зазывая на открытую воскресную распродажу. Джулиус шагал на встречу с Филипом, не обращая внимания ни на публику за столиками, ни на уличные прилавки, заваленные грудями залежавшегося модельного хлама. Он даже не задержался у своих любимых витрин – перед антикварной лавкой японской мебели и у тибетского магазинчика, и, вопреки обыкновению, даже не взглянул на лавчонку с азиатскими безделушками, мимо которой редко проходил без того, чтобы не бросить восхищенный взгляд на затейливую

черепицу с изображением сказочной восточной дивы в доспехах.

Нет, он не думал о смерти: Филип Слейт задал ему столько загадок, что даже мрачные мысли временно отошли на задний план. Как это вышло, что Филип вдруг с такой отчетливостью всплыл в памяти? Где он был все эти годы – его лицо, имя, история? Волей-неволей приходилось признать, что нейрохимия обошлась без Джулиуса, сохранив всю историю его отношений с Филипом на подкорке. Скорее всего Филип преспокойно сидел все это время в каком-нибудь клубке нейронов и ждал своего часа, чтобы, при первых звуках сигнала, мгновенно очнуться ото сна и отбросить свое изображение на призрачный экран его зрительной коры. Джулиус неуютно поежился при мысли о таинственном киномеханике, который сидит в его мозгу и запускает свою дьявольскую машинку, когда ему вздумается.

Но куда непонятнее, с какой стати он решил вдруг встретиться с Филипом? Почему он вытащил на свет не кого-нибудь, а именно Филипа? Может, потому, что история с Филипом закончилась таким оглушительным провалом? Вряд ли. В конце концов, Филип был не единственным пациентом, которому так и не удалось помочь, и тем не менее другие благополучно стерлись из памяти без следа. А может, он вспомнил Филипа, потому что остальные неудачники быстро забрасывали лечение, тогда как Филип продолжал упрямо ходить? Бог мой, и как ходить. За три выматывающих года не пропустил ни одного сеанса, ни разу не опоздал, ни на минуту: жалел свое время. И вдруг как гром среди ясного неба в конце встречи коротко и безапелляционно: это их последняя встреча.

Впрочем, даже после того как Филип бросил терапию, Джулиус продолжал считать его небезнадежным – правда, в то время он часто заблуждался, думая, что нет болезней, которые нельзя вылечить. И все-таки в чем он ошибся? Филип был настроен работать, он был настойчив, умен, образован... и при этом отталкивал. Джулиус никогда не брался за пациента, который был ему неприятен, но в его отношении к Филипу не было ничего личного: он бы никому не понравился. У него же отроду не было друзей.

Да, он терпеть не мог Филипа, но это не мешало ему любить его как редкостный научный материал. Вопрос Филипа «почему я не могу делать то, что хочу?» был занимательным образчиком паралича воли, и потому их совместные занятия, будучи совершенно бесполезными для Филипа, тем не менее приносили немало пользы Джулиусу: сколько идей, родившихся у него во время бесед с Филипом, нашли потом применение сначала в его нашумевшей статье «Психотерапевт и

сила воли», а позже в книге, которую он назвал «Желание, воля и действие». Внезапно у него промелькнула мысль, что в течение трех лет он эксплуатировал Филипа. Может быть, теперь, с его новым ощущением единства, он сможет наконец искупить свою вину и довести до конца то, что не сумел сделать раньше?

Юнион-стрит, 41, оказался скромным двухэтажным особняком на углу. Внутри Джулиус отыскал на указателе Филипа: «Филип Слейт, д.н., философское консультирование». Философское консультирование? Джулиус фыркнул. Это что еще за фрукт? Так, пожалуй, скоро дойдет до парикмахеротерапии и консалтинга кислых щей. Он поднялся по лестнице и нажал кнопку у двери.

Послышался звонок, и дверь с легким щелчком открылась. Джулиус очутился в крохотной приемной, совершенно голой, если не считать черного дерматинового диванчика малопривлекательной наружности в углу. В двух шагах от него в дверях кабинета стоял Филип. Даже не двинувшись навстречу, он знаком пригласил Джулиуса войти. Руки для приветствия не протянул.

Джулиус мысленно сравнил этого Филипа с тем, что был в его памяти. Почти никаких отличий. За двадцать пять лет ничего, разве что сеточка морщин вокруг глаз да слегка дряблая шея. Рыжеватые волосы все так же зачесаны назад, все те же колючие зеленые глаза – по-прежнему смотрят в сторону. Джулиус почти не помнил случая, чтобы их взгляды встречались. Филип напоминал ему самонадеянных юнцов, что вечно просиживали на лекциях с умным видом, даже не прикасаясь к конспекту, в то время как он сам и его товарищи торопливо записывали все, что могло понадобиться на экзамене.

Оглядев рабочий кабинет Филипа, Джулиус хотел было съязвить, но вовремя передумал. Вместо этого уселся на стул, предложенный Филипом, и решил предоставить первое слово хозяину. Кабинет был обставлен по-спартански: старый потертый стол с ворохом бумаг, пара неуклюжих разномастных стульев и одинокий сертификат на стене.

– Да, много времени прошло, очень много. – Филип заговорил официальным, уверенным тоном, будто для него совершенно естественно, что их роли поменялись и теперь он принимает своего бывшего психотерапевта.

– Двадцать два года – я посмотрел в своих записях.

– Так почему именно сейчас, доктор Хертцфельд?

– А что, обмен любезностями уже подошел к концу? – О нет, только не это! Джулиус обругал себя. Прекрати немедленно! Ты что, забыл? Этот человек не понимает юмора.

Но Филипа, казалось, нисколько не смутило это замечание.

– Элементарные правила ведения беседы, доктор Хертцфельд, вы же сами знаете. Первый шаг – установить рамки. Мы уже условились о месте и времени – кстати, я готов вам выделить час вместо ваших обычных пятидесяти минут, – потом оплата или отсутствие таковой. Следующая стадия – определиться с целями и задачами. Я стараюсь ради вашей же пользы, доктор Хертцфельд, чтобы сделать эту встречу максимально полезной для вас.

– Хорошо, Филип, принято. Кстати, «почему именно сейчас» – хороший вопрос, я сам им пользуюсь. Помогает сконцентрироваться на главном. Ну что ж, тогда к делу. Как я уже сказал, у меня возникли проблемы со здоровьем – в общем, дела неважные, так вот... мне захотелось оглянуться назад, посмотреть, что удалось и что не удалось в моей работе. Сам понимаешь, возраст – хочется подвести итоги. Стукнет тебе шестьдесят пять – вспомнишь меня.

– Не понимаю, о чем вы, но готов поверить на слово. Признаюсь, мне не совсем понятно ваше желание встретиться со мной или с другими клиентами. Лично со мной такого не случается. Мои клиенты платят мне деньги, я предоставляю им свое экспертное мнение. На этом мы расходимся – они знают, что получили квалифицированный совет, а я – что сделал все возможное. Не могу представить, чтобы мне захотелось когда-нибудь встретиться с ними еще раз. И тем не менее я весь внимание. С чего начнем?

Джулиус не имел обыкновения утаивать что-то от клиентов, это всегда было его сильным качеством – люди ценили его за прямоту и открытость. Но на этот раз он заставил себя умолчать об истинной цели визита. Бестактность Филипа неприятно задевала его, но ведь он пришел не для того, чтобы давать советы. Наоборот, он хотел получить от Филипа прямой и честный ответ о том, что он думает о его работе, так что чем меньше Джулиус скажет про свое теперешнее состояние, тем лучше. Если бы он заикнулся о своем отчаянии, о том, как лихорадочно ищет выход, как хочет надеяться, что сыграл хоть какую-то роль в

жизни Филипа, тот, чего доброго, мог бы из жалости наговорить ему кучу комплиментов. Или поступить как раз наоборот – из упрямства.

– Что ж, прежде всего спасибо, что согласился встретиться со мной. Я хотел бы услышать следующее: первое – что ты думаешь о нашей работе, помогла она тебе или нет, и второе, уже посерьезней, я хотел бы узнать, как сложилась твоя жизнь с тех пор, как мы расстались. Обожаю слушать, чем заканчиваются истории.

Если Филипа и удивила такая просьба, он ничем этого не выразил. Несколько секунд посидел молча, закрыв глаза, сложив пальцы. Потом размеренно заговорил:

– История пока еще далека от завершения, доктор Хертцфельд. По правде говоря, моя жизнь так сильно изменилась несколько лет назад, что мне кажется, будто я родился заново. Но пойдём по порядку – начну с нашего лечения. Вынужден признаться, оно оказалось совершенно бесполезным – пустая трата времени и денег. Считаю, что со своей стороны я сделал все, что мог: если память мне не изменяет, я всегда был готов к сотрудничеству, работал над собой, ходил регулярно, оплачивал счета, запоминал сны, выполнял все ваши указания – надеюсь, вы не станете возражать?

– Возражать против того, что ты был готов к сотрудничеству? Конечно, нет. Скажу больше, ты был чрезвычайно прилежным учеником.

Филип кивнул и, снова уставившись в потолок, продолжил:

– Насколько я помню, мы встречались ровно три года, в основном по два раза в неделю. Это очень много часов – как минимум двести. Почти двадцать тысяч долларов.

Джулиус едва сдержался: всякий раз, когда пациенты отпускали подобные замечания, он не упускал случая возразить, что это «капля в море», и вдобавок подчеркнуть, что проблемы, копившиеся много лет, невозможно устранить в одночасье; кроме того, он обязательно приводил какой-нибудь убедительный довод из собственного опыта: к примеру, сам он во время студенческой практики три года ходил на занятия по пять раз в неделю – более семисот часов. Но Филип уже не был его пациентом, и Джулиусу не нужно было ни в чем его

убеждать. Он пришел сюда, чтобы слушать. Поэтому он прикусил губу и промолчал.

Филип продолжил:

– Когда я начал лечиться у вас, я был загнан в угол – нет, валялся на обочине, лицом в грязь, так будет точнее. Тогда я работал химиком, разрабатывал средства для уничтожения насекомых. Меня тошнило от моей работы, от моей жизни, вообще от всего. Единственное, что мне нравилось, – это читать философию и размышлять над загадками истории. Но я пришел к вам из-за своих сексуальных проблем, как вы, надеюсь, помните.

Джулиус кивнул.

– Тогда я терял контроль над собой. Только секса я и хотел. Он не давал мне покоя. Я не мог остановиться. Страшно вспомнить, какую жизнь я вел. Соблазнить как можно больше женщин – вот все, чего мне требовалось. После коитуса короткая передышка – и снова все сначала.

При слове «коитус» Джулиус подавил улыбку – он вспомнил, как, несмотря на свою неутолимую похоть, Филип всегда старательно избегал непристойностей.

– Только в этот короткий момент, сразу после коитуса, – продолжал Филип, – я мог жить полной жизнью, в согласии с самим собой, тогда я мог общаться с великими мыслителями прошлого.

– Да, я помню твоих Аристархов и Зенонов.

– Они, а потом и многие другие. Но эти моменты, эти передышки были слишком короткими. Теперь я свободен. Теперь я могу жить, не думая об этом. Но позвольте мне вернуться к вашему лечению, ведь именно в этом состоял ваш первый вопрос?

Джулиус кивнул.

– Я, помню, очень привязался к нашим занятиям, они стали для меня еще одной навязчивой идеей, которая, увы, не заменила первую – просто наложилась на

нее. Я помню, как ждал каждого сеанса – и все-таки, несмотря ни на что, каждый раз уходил разочарованным. Сейчас я точно не помню, что мы делали, – кажется, все время пытались как-то связать мою проблему с моей прежней жизнью. Выводили, выводили – мы все время пытались что-то вывести. И все же каждый ваш новый вывод казался мне сомнительнее прежнего. В ваших рекомендациях не было ни аргументации, ни логики, но хуже всего было то, что ни одна из них ни капли не повлияла на мою проблему... А проблема была серьезная. Я знал это. И еще я знал, что обязан во что бы то ни стало с ней завязать. Прошло немало времени, пока я понял, что вы не знаете, как мне помочь, и тогда я окончательно потерял веру в вас. Помню, вы тратили кучу времени на то, чтобы исследовать мои взаимоотношения с другими людьми – и, в особенности, лично с вами. Я не видел в этом никакого смысла – не видел тогда, не вижу и сейчас. Время шло, и мне становилось все тяжелее встречаться с вами, продолжать исследовать наши отношения так, будто они действительно существовали, делать вид, будто они больше того, чем на самом деле были – обычными платными услугами. – Филип замолчал и, разведя ладони, взглянул на Джулиуса, словно говоря: «Сам напросился».

Джулиус был раздавлен. Чей-то незнакомый голос сказал за него:

– Что ж, это честный ответ, Филип. Ну, а теперь продолжение истории – что было с тобой потом?

Филип сложил ладони, опустил подбородок на кончики пальцев, завел глаза к потолку, собираясь с мыслями.

– Потом? Начнем с работы. Мои открытия в области создания гормональных инсектицидов неожиданно принесли компании солидные дивиденды, и моя зарплата резко выросла. Но к тому времени я уже был сыт химией по горло. А тут, когда мне исполнилось тридцать, подоспели траст-фонды моего отца. Подарок судьбы. Наконец-то я был свободен. Этих денег хватало на несколько лет безбедного существования, и я забросил подписку на химическую литературу, уволился с работы и занялся наконец тем, о чем мечтал всю жизнь, – поиском истины... Я был жалок и несчастен, все так же напряжен и по-прежнему страдал от навязчивых желаний. Конечно, я перепробовал и других психоаналитиков, но они могли дать мне не больше, чем вы. Один из них, бывший сокурсник Юнга, как-то сказал, что мне нужна не просто психотерапия. Он сказал, что в моем положении единственная надежда – духовное развитие. Я последовал его совету и обратился к религиозной философии, в особенности к

идеям Востока – из всех прочих только они показались мне стоящими. Остальные не давали ответов на важнейшие вопросы и только прикрывались именем Бога вместо истинного философского осмысления. Я даже провел несколько недель в медитативном лагере – довольно любопытно. Правда, это не избавило меня от проблемы, но у меня возникло ощущение, что в этом есть какое-то рациональное зерно – наверное, тогда я просто не был готов... И все это время, за исключением вынужденного воздержания в ашраме – хотя и там я умудрялся находить лазейки, – я продолжал свою безумную погоню. Я переспал с толпой женщин – с десятками, сотнями, иногда по две в день, всегда и всюду, в любое время – так же, как во время наших занятий. Постель с одной – иногда с двумя женщинами – и снова поиски. Никакого возбуждения после. Помните старую поговорку: «С девчонкой в первый раз бывает только раз». – Филип поднял голову и посмотрел на Джулиуса: – Это была шутка, доктор Хертцфельд. Помню, однажды вы заметили, как вас поражает, что за все время я умудрился ни разу не пошутить.

Джулиус, на сей раз совсем не расположенный к веселью, с усилием выдавил из себя усмешку, хотя и узнал в этом *bon mot* собственную остроту, однажды оброненную в разговоре с Филипом. Филип казался ему огромным заводным пупсом с ключом на макушке – пришло время снова его заводить:

– И что же было дальше?

Уставившись в потолок, Филип ответил:

– Дальше в один прекрасный день я пришел к гениальному решению: раз ни один врач не в состоянии мне помочь – простите, доктор Хертцфельд, но и вы тоже...

– Я уже начинаю об этом догадываться, – ответил Джулиус и тут же поспешно добавил: – Не надо извинений, Филип, просто честно отвечай на мои вопросы.

– Простите, я не хотел на этом останавливаться – так вот, поскольку медицина не могла мне помочь, я решил, что вылечу себя сам – курсом библиотерапии, который включал бы в себя достижения величайших мудрецов, которые когда-либо жили на свете. Я приступил к систематическому чтению философии, начиная с греческих досократиков и заканчивая Поппером, Роулзом и Куайном[4 – Сэр Карл Раймунд Поппер (1902–1994) – австро-британский философ,

преподаватель Лондонской школы экономики, занимался философией науки и социально-политической философией. Джон Роулз (1921 –2002) – американский философ, преподаватель политической философии в Гарвардском университете; автор труда «Теория справедливости» (1971). Уиллард Ван Орман Куайн – один из самых влиятельных американских логиков и философов, преподавал философию и математику в Гарварде.]. После года занятий я не избавился от проблемы, зато сделал несколько ценных открытий. Во-первых, я понял, что стою на правильном пути, а во-вторых, что философия – это действительно мое. Это был самый главный вывод – помните, как много мы с вами говорили о том, что я нигде не чувствую себя как дома?

– Помню, – кивнул Джулиус.

– И тогда я подумал: раз я собираюсь посвятить эти годы чтению философии, почему бы мне не сделать это своей профессией – в конце концов, деньги рано или поздно кончатся. Так что я поступил в докторантуру при философском факультете Колумбийского университета. Занимался я хорошо, написал солидную диссертацию и через пять лет уже был доктором философских наук. Я начал преподавать, а потом, пару лет назад, заинтересовался прикладной, или, как я предпочитаю ее называть, «клинической» философией. И вот я здесь.

– Ты не закончил – как именно тебе удалось вылечиться?

– Да. В Колумбии, читая книжки, я познакомился с одним психотерапевтом – психотерапевтом с большой буквы, – который предложил мне нечто такое, что не мог предложить никто другой.

– В Нью-Йорке? Кто такой? В Колумбии?.. С какого факультета?

– Его звали Артур... – Филип помедлил и взглянул на Джулиуса со едва заметной усмешкой на губах.

– Артур?

– Да, Артур Шопенгауэр, мой личный психотерапевт.

– Шопенгауэр? Ты шутишь.

– Никогда не был серьезнее.

– Я мало знаю Шопенгауэра – разве что расхожие фразы о мрачном пессимизме. Никогда не слышал, чтобы он имел какое-то отношение к психиатрии. Чем он мог тебе помочь? Что?..

– Не хочу прерывать вас, доктор Хертцфельд, но у меня сейчас встреча с клиентом, а я по-прежнему не люблю опаздывать – как видите, я мало изменился. Оставьте свою визитную карточку, и как-нибудь в другой раз я расскажу вам больше. Это был врач, созданный для меня. Не будет преувеличением сказать, что гению Артура Шопенгауэра я обязан своей жизнью.

Глава 4

1787 год. Гений: бурный пролог и фальстарт

Талант похож на стрелка, попадающего в такую цель, которая недостижима для других; гений похож на стрелка, попадающего в такую цель, до которой другие не в состоянии проникнуть даже взором[5 - Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 31 «О гении»].

БУРНЫЙ ПРОЛОГ

Гений был всего четыре дюйма в длину, когда разыгралась буря. В сентябре 1787 года околплодное море, со всех сторон окружавшее его, взволновалось и начало бешено швырять его из стороны в сторону, грозя унести прочь от спасительных утробных берегов. Волны резко пахли злобой и ужасом. Кислотные волны ностальгии и отчаяния захлестывали его. Остались в прошлом счастливые дни безмятежного покачивания у причала. Не зная, куда бежать, где искать спасения, его крохотные невральные синапсы запылали и заметались.

Чем раньше судьба преподает нам свою науку, тем лучше. Артур Шопенгауэр никогда не забудет ее первые уроки.

ФАЛЬ СТАРТ, или КАК АРТУР ШОПЕНГАУЭР ЧУТЬ НЕ СТАЛ АНГЛИЧАНИНОМ

Артурррр, Артурррр, Артурррр. Генрих Флорис Шопенгауэр раскатывал каждый звук на языке. Артур. Хорошее имя. Превосходное имя для будущего главы уважаемого торгового дома Шопенгауэров.

Шел 1787 год, и его юная женушка Иоганна была еще на третьем месяце беременности, когда Генрих Шопенгауэр принял решение: если родится сын, он назовет его Артуром. Достопочтенный муж Генрих сделает все, чтобы исполнить свой долг: как его предшественники передали ему бразды правления знаменитым торговым домом Шопенгауэров, так и он передаст их своему сыну. Времена наступили тяжелые, но Генрих был уверен, что сын сможет достойно ввести фирму в девятнадцатый век. Имя Артур как нельзя лучше для этого подходило. Это имя одинаково пишется на всех основных языках Европы, оно будет беспрепятственно пересекать любые национальные границы, но самое главное – это английское имя.

Долгие века предки Генриха не покладая рук трудились над созданием общего семейного дела, и их усилия увенчались успехом. Дед Генриха даже однажды принимал в своем доме русскую императрицу Екатерину Великую и, дабы доставить госте особое удовольствие, как-то повелел разлить коньяк в ее покоях и затем его поджечь, чтобы воздух в комнатах сделался сухим и благовонным. Отца Генриха удостаивал визитом прусский король Фридрих, который, как гласит семейное предание, несколько часов безрезультатно убеждал хозяина дома перевести дело из Данцига в Пруссию. А теперь, когда управление знаменитым торговым домом перешло к Генриху, он сделает все, чтобы очередной наследник Шопенгауэров по имени Артур обеспечил семейному делу великое будущее.

Торговый дом Шопенгауэров – зерно, лес и кофе – был одним из почтеннейших домов Данцига, этого достославного ганзейского города, заправлявшего торговлей по всей Балтике. Но настали тяжелые времена и для великого вольного города: с запада грозила Пруссия, с востока Россия, а одряхлевшая Польша больше не могла гарантировать былого спокойствия и независимости. Вот почему Генрих Шопенгауэр опасался, что дни свободы и процветания Данцига уже сочтены. Европа захлебывалась в пучине политических и финансовых потрясений – Европа, но не Англия. Англия стояла несокрушимо, как скала. За Англией было будущее. Только в Англии семья и торговый дом Шопенгауэров обретут спокойную гавань; нет, не просто спокойную гавань – они

станут процветать, если будущий глава компании родится англичанином и будет носить английское имя. Герр Артурррр Шопенгауэр – нет, мистер Артурррр Шопенгауэр, английский подданный, глава торгового дома – вот что станет залогом счастливого и беззаботного будущего.

И вопреки протестам юной беременной женоушки, не достигшей еще и двадцати и умолявшей его оставить ее дома под присмотром матушки вплоть до рождения первенца, Генрих двинулся в далекую Англию, таща за собой отчаянно упиравшуюся супругу. Юная Иоганна была в ужасе, однако подчинилась непреклонной воле супруга. Прибыв в Лондон, она, вопреки опасениям, чрезвычайно быстро обрела привычную живость и легкость характера, и вскоре уже весь Лондон восхищался блестящим очарованием юной девы. В своих путевых дневниках Иоганна напишет, что ее новые английские друзья окружили ее такой любовью и таким вниманием, что она совершенно успокоилась и чувствует себя совсем как дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 1. – § 57. – Здесь и далее цитаты из «Мир как воля и представление» приводятся в пер. Ю. Айхенвальда.

2

Arthur Schopenhauer. Manuscript Remains in Four Volumes, ed. Arthur Hubscher. – Oxford: Berg Publishers, 1988–1990. – Vol. 3. – P. 262. – § 111.

3

Eduard Grisebach, ed. Schopenhauer's Gespr?che und Selbstgespr?che. – Berlin: E. Hofmann, 1898. – P. 3.

4

Сэр Карл Раймунд Поппер (1902–1994) – австро-британский философ, преподаватель Лондонской школы экономики, занимался философией науки и социально-политической философией. Джон Роулз (1921 –2002) – американский философ, преподаватель политической философии в Гарвардском университете; автор труда «Теория справедливости» (1971). Уиллард Ван Орман Куайн – один из самых влиятельных американских логиков и философов, преподавал философию и математику в Гарварде.

5

Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление. – Т. 2. – Гл. 31 «О гении».

Купить: <https://telnovel.com/irvin-yalom/shopengauer-kak-lekarstvo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)